

Ирина Ракобольская
Наталья Кравцова

НАС НАЗЫВАЛИ НОЧНЫМИ ВЕДЬМАМИ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Р 19

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

В оформлении обложки использованы материалы
© Shutterstock.com/FOTODOM/Larek

Ракобольская И., Кравцова Н.

Р 19 Нас называли ночными ведьмами / Ирина Ракобольская, Наталья Кравцова. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 704 с. + вкл. (48 с.). — (Non-Fiction. Большие книги).
ISBN 978-5-389-29155-3

Легендарный 46-й гвардейский Таманский полк — один из трех женских авиационных полков, сформированных в начале Великой Отечественной войны. В нем служили только женщины — от командира полка до техника. Большей частью это были совсем молодые девушки, вчерашние школьницы и студентки. Немцы называли их «ночными ведьмами», русские солдаты — «ласточками», маршал Рокоссовский — «легендами». За годы войны девушки сделали 24 тысячи боевых вылетов: бомбили немцев на Дону, в Ставрополье, на Кавказе, на Кубани, в Белоруссии, Польше, Восточной Пруссии. 25 летчиц и штурманов получили звание Героя. Об их подвигах рассказывают Ирина Ракобольская, начальник штаба полка, и Герой Советского Союза Наталья Кравцова (Меклин), командир звена, сбросившего на врага 147 тонн бомб. В настоящее издание включены также документальные повести Натальи Кравцовой о других известных летчицах: Екатерине Будановой, Лидии Литвяк и Ольге Ямщиковой.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© И. В. Ракобольская (наследники), 2025
© Н. Ф. Кравцова (наследники), 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-29155-3

ОТ АВТОРОВ

В годы Великой Отечественной войны был такой необыкновенный полк — 46-й гвардейский Таманский, дважды орденоносный полк ночных бомбардировщиков, летавший на самолетах По-2.

В этом полку мужчин не было. От техника до командира полка — все только женщины. В основном девочки от 17 до 22 лет.

Я не знаю, был ли во всей нашей авиации другой полк, летавший на По-2, который за три года боев сумел бы сделать 24 тысячи боевых вылетов...

Полк, в котором 25 летчикам и штурманам было присвоено звание Героя Советского Союза и Героя России.

Полк, в котором одновременно с боевыми действиями непрерывно обучали и вводили в строй новых летчиков и штурманов, и в результате его состав удвоился, несмотря на потери.

Мне кажется, что такого полка больше не было.

А уж женского — не было точно!

Летчики, которые в него пришли, были яркими личностями, с высоким мастерством пилотирования. Ведь чтобы женщина окончила летную школу или аэроклуб, она должна была обладать подлинной влюбленностью в небо, страстью к полетам.

А штурманами стали в основном студентки вузов — математики, физики, историки, уже проявившие способность к науке и пожертвовавшие ею, чтобы помочь Родине. Они быстро освоили новую специальность и внесли в полк особую атмосферу: в краткие перерывы между боями проводились философские и тактические конференции, выпускались литературные журналы, писались стихи...

Штурманом полка и штурманами трех эскадрилий стали студентки мехмата МГУ, начальник штаба и начальник оперативного отдела — тоже студентки Московского университета. И всех нас объеди-

няло стремление доказать, что девушки могут быть в бою не хуже мужчин...

Немецкие солдаты говорили, что летчиц на По-2 трудно сбить, потому что они «ночные ведьмы». Зато пехотинцы называли этот самолет старшиной фронта, а девушек, летавших на нем, — небесными созданиями.

Летчики других авиаполков ласково говорили «сестренки».

Полк прошел с боями от Донбасса, через Сальские степи и предгорья Кавказа, через Кубань и Крым с наступающими фронтами, Белоруссию и Польшу, дошел до Восточной Пруссии, Германии и окончил войну севернее Берлина.

В этой книге рассказывается о боевом пути полка, о наших боевых подругах, о ночных полетах, о том, как погибали, как горели над целью живыми... И о том, как побеждали, как из юных девочек вырастали Герои нашей страны. О том, как все это было...

В этом полку прошли всю войну десять студенток Московского государственного университета. Двое погибли. Пяти было присвоено звание Героя Советского Союза...

Первая часть книги написана начальником штаба полка, профессором МГУ Ириной Ракобольской, вторая — Героем Советского Союза, летчиком Натальей Кравцовой (Меклин), членом Союза писателей России.

Авторы не ставили своей целью последовательно изложить всю историю полка и рассказать обо всех друзьях-однополчанах. Здесь приводятся лишь воспоминания о наиболее памятных нам событиях тех лет.

И. Ракобольская

ЧАСТЬ I

И. Ракобольская

ДРУГОГО ТАКОГО ПОЛКА
НЕ БЫЛО...

Пусть это тихие и скромные У-2.
Не из металла грудь и не из стали крылья.
Но сложатся легенды, и в словах
Переплетется сказочное с былью...

Н. Меклин

В октябре 1941 года немцы подходили к Москве. Москва словно замерла, с маскировочными рисунками на площадях, с противовоздушными «сосисками» в небе. В университете работали различные курсы: медицинских сестер и лыжников, пулеметчиков и радистов...

Казалось невозможным в такое время учить историю, физику или математику. Нужно было быть в окопах на передовой...

В это время в правительстве страны скопилось большое количество писем от девушек — летчиц аэроклубов, летных школ, транспортной авиации. Все они настойчиво просили направить их на фронт, чтобы воевать наравне с мужчинами.

В первые же дни войны попросилась на фронт и известная штурман, Герой Советского Союза Марина Михайловна Раскова. Ей категорически отказали. Тогда Раскова высказала «дерзкую» мысль: «надо приступить к формированию специальных женских полков». Ее выслушали, обещали подумать. Однако у «дерзкой» мысли нашлись противники — подобных формирований практика мировой авиации еще не знала... А письма шли и шли. Не сидела сложа руки и Марина Михайловна. Решение в конце концов было принято, и 8 октября 1941 года И. В. Сталиным был подписан совершенно секретный приказ о формировании женских авиационных полков ВВС Красной армии...

Вся организационная работа поручалась Марине Расковой. Но для того, чтобы создать боевой полк, нужны были еще и штурманы, и техники, и вооруженцы. И тогда ЦК комсомола объявил по Москве призыв девушек, желающих добровольно пойти на фронт... Немецкие войска подходили к столице.

Позднее, когда стало ясно, что людей на три полка недостает, такой же комсомольский призыв был объявлен в Саратове, близ которого проходило формирование полков.

Сотни девушек, от 16 до 20 лет, никогда в жизни не прикасавшихся к плоскости самолета, не державших в руках оружия, пришли в армию по этому призыву. Среди них были студентки и ткачихи, воспитательницы детских садов и школьницы...

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР № 0099

8 октября 1941 года

г. Москва

Содержание: О формировании женских авиационных полков ВВС Красной армии

В целях использования женских летно-технических кадров ПРИКАЗЫВАЮ с 1 декабря 1941 г. сформировать и подготовить к боевой работе:

1. 586 истребительный авиационный полк на самолетах Як-1 по штату № 015/174, дислокация — г. Энгельс.
2. 587 авиационный полк ближних бомбардировщиков на самолетах Су-2 при ЗАПе (Каменка).
3. 588 ночной авиационный полк на самолетах У-2 по штату № 015/186, дислокация — г. Энгельс.
4. Командующим ВВС Красной армии укомплектовать формируемые авиаполки самолетами и летно-техническим составом из числа женщин кадра ВВС КА ГВФ и Осоавиахима.
5. Переподготовку летного состава на новой матчасти организовать и проводить:
 - летного состава — в пунктах формирования полков;
 - технического состава — при пункте сбора ЛТС г. Москва;
 - штурманского и командиров штабов — при 2-й Ивановской высшей штурманской школе ВВС КА.
6. Главному интенданту Красной армии и начальникам центральных управлений НКО СССР обеспечить формируемые авиаполки всеми видами положенного довольствия.

Народный Комиссар Обороны Союза ССР —
И. СТАЛИН

Телефонограмму ЦК ВЛКСМ я приняла 9 октября, когда дежурила в комитете комсомола МГУ. Она была адресована в Краснопресненский райком, но секретарь райкома Аракса Захарьян в это время в соседней комнате отбирала мальчиков в лыжный батальон. От всего района призывалось 12 девушек: две пулеметчицы, две парашютистки, две санитарки, две с хорошим почерком и две просто физически здоровые. Какие еще две — не помню, кажется, хорошие стрелки.

Отборочная комиссия в ЦК должна была состояться 10-го днем. Аракса разрешила мне весь призыв провести по университету. Я обзвонила факультеты... В вузкоме нас было три девушки, я — студентка 4-го курса физфака, студентка исторического факультета Валя Ендакова и аспирантка географического Саша Макунина. Мы все трое тут же записали себя в список. Девушки с факультетов стали приходить в вузком. Запомнилось, как я отговаривала Аню Еленину, студентку химфака. Но она была настойчива и потом всю войну прослужила начальником оперативного отдела штаба полка, была первым моим помощником и близким другом...

Только на следующий день в ЦК мы узнали, что идем в авиацию, в авиагруппу 122, к Марине Расковой. Беседу проводил Г. Розанцев. В приемной все страшно волновались, я была более спокойна: один раз прыгала с парашютом, окончила школу пулеметчиков и... очень уж хотела...

Из университета после отбора попало 17 человек (очевидно, призыв был продолжен): студентки и аспирантки с математического, физического, химического, географического и исторического факультетов.

На следующий день те, кто прошел комиссию, собрались у здания ЦК ВЛКСМ, но уже с рюкзаками, простившись с родными и университетом. Нас проводили в школу формирования, которая находилась в одном из зданий Военно-воздушной академии им. Жуковского. Сопровождавший нас красноармеец подсмеивался: «И куда вы, девушки? Наденут на вас шинели и сапоги, с вами же ни один парень в кино не пойдет»...

Мои боевые подруги. Какими они были? Мечтательницами и фантазерками на тоненьких каблучках. С легкомысленными локонами и строгими русскими косами. Серьезные и хохотушки.

Нежные и суровые. Девочки, только что оторвавшиеся от маминого тепла, и уже опаленные войной летчицы. Жены, проводившие на фронт любимых. Матери, оставившие детей бабушкам. Такие разные в личном и такие одинаковые в главном — желании воевать. Умение приходило с опытом, в боях рождалась слава. Когда невысокая светловолосая девушка с серо-голубыми глазами появилась с спецшколе, я сразу узнала Женю Рудневу. Мы встречались с ней на общих лекциях по физике (хотя она училась на математическом факультете, на отделении астрономии, а я на физическом), потом на заседаниях комитета комсомола, а в последнее время вместе занимались воскресниками.

Чтобы не волновать родных, Женя не сказала им, в какую часть ее направляют. «Я иду обучать ополченцев пулеметному делу», — объяснила она отцу и матери. Своему дяде — учителю я тоже сказала, что иду преподавать физику в военное училище. Он изумился: «Что же, никого поопытнее не нашлось?» А мамы в Москве не было.

Ни в первые месяцы пребывания в армии, ни потом, в полку, никогда не пожалела Женя о том, что прервала учебу, променяла занятие любимым делом на трудную, полную лишений и опасности жизнь солдата на фронте. «Я чувствую, что я иду единственно правильным путем, что здесь я делаю то, что должна делать», — писала она родным. Это было наше общее чувство...

Нам выдали военное обмундирование. Но как мы неловко чувствовали себя в форме, когда надели ее в первый раз! Большие гимнастерки и брюки, длинные мешковатые шинели и — самое мучительное — сапоги от 40 до 43 размера. Мы звали их котики — от кота в сапогах.

Комиссар части Е. Я. Рачкевич учила нас заворачивать ноги в портянки. Ох и ловко она это делала... Нам выдали на портянки белую пушистую бумазею, и девочки говорили: «Вот пеленки мировые».

Нарочно нельзя было придумать одежды, так сильно лишаящей девушек привлекательности! (Если учесть еще фляги и противогазы на боку.)

За годы войны мы научились перешивать гимнастерки по себе, резать шинели, появились более аккуратные сапоги (особенно

если сравнивать их с унтами в галошах, то сапоги — это просто тапочки), и мы приобретали ладный, подтянутый вид.

В Москве Марина Раскова начала создавать из нас учебные группы: летчиков, техников, штурманов и вооруженцев. Прошла медицинская комиссия...

К нашему огромному разочарованию, 16 октября 1941 года, в самые тяжелые для Москвы дни, вместо того чтобы отправить в окопы, нас погрузили в товарные вагоны и повезли на восток, в Энгельсскую военную авиационную школу пилотов (ЭВАШП) близ Саратова.

Первый приказ, который мы выслушали, стоя в строю ранним утром на перроне вокзала в Энгельсе, был приказ по авиагруппе 122 о всеобщей стрижке «под мальчика» и «волосы спереди до пол-уха». Косы можно было оставить только с личного разрешения Расковой. Но разве могли мы, девчущки, обращаться к известной солидной женщине с такими пустяками, как косы! И в тот же день наши волосы легли пестрым ковром на пол гарнизонной парикмахерской.

Студентки из разных вузов Москвы были зачислены в штурманскую группу. И началось упорное учение: классные занятия по 11 часов в день, включая морзянку и строевую подготовку, а по вечерам надо было готовиться к следующему дню. Дисциплина в части была очень жесткая. Старостой штурманской группы была назначена Галя Докутович, студентка МАИ. Пришла она в полк со своей задушевной подругой, историком Полиной Гельман. Еще в Гомеле Галя начала заниматься в аэроклубе, летала на самолете, на планере, а Полину не взяли — она не доставала ногами до педалей самолета, очень уж была маленькая. Когда нам выдали комбинезоны на меху, небольшая Полина никак не могла быстро его надеть, и вот Докутович дала ей наряд: каждый вечер перед сном пять раз надевать и снимать комбинезон, пока наконец она не стала укладываться в положенное время. Мы улыбались — и это лучшая подруга! — но... староста.

Мужчины, обучающиеся в ЭВАШП, смотрели на нас с усмешкой и состраданием и называли батальоном смерти... А Вера Ломако, известная летчица, говорила нам: «Девушки, да вы смотрите на них свысока».

В столовую ходили мы только строем под дружную песню. Катя Буданова¹ запевала чистым низким голосом:

Где в облаках, верша полет,
Снаряды рвутся с диким воем...

Впереди бежал черный бобик и облаивал встречных мужчин. Однажды, когда девочки с мехмата встретили своих однокурсников и шли с ними после обеда не в строю, мы, «университетчики», собрались и сказали им, что они позорят университет, что мы напишем об этом в узком комсомола... Девушки плакали и обещали больше никогда с мужчинами не разговаривать...

Начались тренировочные полеты. Для многих штурманов они оказались тяжелым испытанием, возникала физическая слабость, тошнота, головокружение... Но мы сжимали кулаки, не поддавались, и постепенно все проходило. Раскова спрашивала: «Ну как? Будешь летать?» — «Буду», — отвечали будущие штурманы.

* * *

Женя Руднева писала в своем дневнике:

«5 января я первый раз в жизни 10 минут была в воздухе. Это такое чувство, которое я не берусь описывать, так как все равно не сумею. Мне казалось потом на земле, что я вновь родилась в этот день. Но 7-го было еще лучше: самолет сделал штопор и выполнил один переворот. Я была привязана ремнем. Земля качалась, качалась и вдруг встала у меня над головой. Подо мною было голубое небо, вдали облака. И я подумала в это мгновение, что жидкость при вращении стакана из него не выливается...

После первого полета я как бы заново родилась, стала на мир смотреть другими глазами... и мне иногда даже страшно становится, что я ведь могла прожить жизнь и ни разу не летать...»

Кто-то сказал нам, что все штурманское снаряжение должно быть привязано, чтобы не унес ветер. На следующий день Женя пришла вся увешанная предметами штурманского обихода, которые были аккуратно привязаны веревочками к пуговицам об-

¹ Екатерина Буданова стала летать на истребителях и до своей гибели успела сбить десять фашистских самолетов. Только в 1993 г. ей посмертно было присвоено звание Героя Российской Федерации.

мундирования. Какой большой путь предстояло ей пройти от наивной девочки с веревочками до штурмана боевого гвардейского полка!

6 февраля 1942 года из группы формирования был выделен наш 588-й ночной авиаполк на самолетах У-2 (позднее переименованных в По-2)¹.

Е. Д. Бершанская вспоминает, что в конце января Марина Раскова, улетая в Москву, шепнула ей на ухо: «Жди меня, привезу тебе подарок». Подарком этим оказался приказ НКО о назначении Бершанской командиром 588-го ночного бомбардировочного полка и присвоении ей звания — капитан. Евдокия Бершанская была кадровым летчиком с большим опытом организационной и летной работы. Она летала и ночью, и в слепом полете и командовала женским отрядом пилотов, который был создан в Батайской летной школе. Была она награждена орденом «Знак Почета». Комиссаром полка была назначена батальонный комиссар Евдокия Яковлевна Рачкевич, адъютант Военно-политической академии, а начальником штаба назначили меня, Ирину Вячеславовну Ракобольскую, присвоив первое воинское звание — лейтенант. Кадровых штабных работников в части не было, я заканчивала штурманскую группу, была комсоргом группы, и, наверное, назначили меня потому, что проявляла я излишнюю активность в своей общественной работе, не принятую в армии. Приказ подписали без разговора со мной, а когда я сказала Расковой, что хочу летать, то услышала в ответ: «Я гражданских разговоров не люблю». Надо было рапорт подать, наверное? Не догадалась².

Весь штаб был сформирован из вновь подготовленных штурманов, и моим заместителем по оперативной работе стала Аня Еленина. Для нас началось особое обучение штабной работе, хотя и с полетов нас не снимали, но как-то мы опоздали на тренировочные полеты, и нас отстранили: «раз вы в штабе»... Мы шли домой, обливаясь слезами: так было обидно, так хотелось

¹ У-2 — учебный; По-2 — по фамилии Поликарпова, конструктора самолета.

² В воспоминаниях начальника штаба авиагруппы 122 Милицы Казариновой я прочитала, что в начальники штабов они подбирали людей, которые были способны соображать после двух-трех суток, проведенных без сна...

летать... Об этом сказали Бершанской, мне было очень стыдно, что она узнала, как я плачу. Но нам разрешили полеты, и мы закончили полный курс.

Кроме нашего, были сформированы еще два женских полка: истребительный на самолетах Як и пикирующих бомбардировщиков на Пе-2. Так сложилось, что командирами обоих этих полков стали мужчины: полком истребителей стал командовать Л. В. Гриднев, после того как Тамара Казаринова была отстранена от должности и направлена для работы в штаб ПВО страны. А командир полка на Пе-2 Марина Раскова погибла в полете, врезавшись в землю в районе Саратова во время сильного снегопада при вылете на фронтной аэродром. Ее заменил В. В. Марков.

Много было мужчин и среди инженерно-технического состава: слишком сложная техника, нельзя было быстро обучить девушек. Позже, взамен погибших летчиц, в полки зачислялись и мужчины.

Оба полка с честью прошли войну, полк Пе-2 заслужил гвардейское звание. Наши «сестренки» проявляли чудеса храбрости и летного мастерства, среди них есть Герои Советского Союза, но это материал уже для другой книги...

У нас весь состав полка был женский. Летчики уже имели опыт работы, инженеры, старшие техники и большинство механиков также, а штурманы и вооруженцы были из вновь обученных девушек, пришедших по призыву комсомола. Были созданы две авиаэскадрильи (АЭ). Всего полк состоял из 112 человек.

Наш учебный самолет создавался не для военных действий. Деревянный биплан с двумя открытыми кабинами, расположенными одна за другой, и двойным управлением — для летчика и штурмана. (До войны на этих машинах летчики проходили обучение.) Без радиосвязи и бронеспинок, способных защитить экипаж от пуль, с маломощным мотором, который мог развивать максимальную скорость 120 км/час. На самолете не было бомбового отсека, бомбы привешивались в бомбодержатели прямо под плоскости самолета. Не было прицелов, мы создали их сами и назвали ППР (проще пареной репы). Количество бомбового груза менялось от 100 до 300 кг. В среднем мы брали 150–200 кг.

Однако с первых дней Отечественной войны По-2 начал приносить армии огромную пользу. На нем вывозили раненых, он

служил для связи с партизанами в тылу противника, для разведки. Устойчивый в полете, легкий в управлении, наш По-2 не нуждался в специальных аэродромах и мог сесть на деревенской улице или на опушке леса.

Особенно успешным оказалось ночное бомбометание с этих маленьких машин по переднему краю противника. Конечно, днем воевать на нем было невозможно: он представлял собой отличную мишень, а вот ночью малая скорость позволяла поражать цели в ближнем тылу противника с точностью, недоступной для других самолетов того времени. С наступлением темноты и до рассвета По-2 непрерывно висели над целью, сменяя друг друга, методично, через каждые 2–3 минуты, сбрасывая бомбы на врага.

Однако — всегда есть свое «однако» — ночью без радио, без защиты и прикрытия, при полной маскировке на земле надо было точно выйти на цель и поразить ее; без приводных прожекторов найти свой аэродром, где посадочная полоса обозначалась чаще всего фонарями, открытыми лишь с одной стороны. Летчики говорили: «Надо сесть по папироске командира полка».

Все эти трудности ночного самолетовождения, да еще в плохую погоду, мы почувствовали в марте, когда уже готовились к вылету на фронт.

* * *

Евдокия Бершанская так описывает ту трагическую ночь:

«С вечера 8 марта погода была вполне благоприятной для полетов. Экипажи ушли по маршруту и на полигон для бомбометания. Вскоре усилился ветер, пошел снег, видимость по горизонту исчезла, видимость контрольных сигналов пропала, не видны были и световые сигналы на аэродроме. В это время я с Бурзаевой совершала полет по треугольному маршруту. Непогода застала нас на втором этапе. Мы летели как в молоке, ничего не видно было, кроме приборов в кабине.

Только опыт и знание маршрута привели нас на свой аэродром.

Из полета не вернулись четыре экипажа — два с маршрутного полета и два с бомбометания»...

На рассвете вернулся самолет Нины Распоповой со штурманом Лелей Радчиковой, они сели на вынужденную в поле. А три машины были разбиты: Ани Малаховой и Маши Виноградовой при полете по маршруту — девушки погибли; Лили Тормосиной и Нади Комогорцевой при бомбометании — девушки погибли; Иры Себровой и Руфины Гашевой при бомбометании — самолет разбит, а девушки живы и не получили никаких повреждений...

Выяснилось, что экипажи Тормосиной и Себровой, придя на полигон и попав в сложную метеообстановку, потеряли пространственную ориентацию и врезались в землю. Вела звено командир звена Попова со штурманом Рябовой. Они вернулись благополучно... Но помочь ничем не могли...

Надежда Комогорцева и Руфина Гашева — две неразлучные подружки с мехмата. Надя — яркая, стройная блондинка, хорошая спортсменка, восторженно начала летать. У нее было еще две сестры, которые тоже ушли на фронт... Надя любила покомандовать и звала Руфу «Гашонок». Руфа — тихая, спокойная девушка. Она в нашем полку перенесла больше всех: дважды попадала в аварию, дважды ее сбивали, и это ничуть не меняло ее облик. Она говорила про себя: «У меня чувство страха запаздывает».

Потеря четырех подруг была для всех нас большим горем...

Полк задержали в Энгельсе для дополнительной тренировки, и только через два с половиной месяца, 23 мая 1942 года, был получен приказ о вылете на фронт. Радости нашей не было предела... Начальник школы пожелал нам отличных успехов и «воевать без потерь»...

Свой личный самолет У-2 с летчицей Ольгой Шолоховой Раскова передала мне, и мы вылетели раньше всех, чтобы организовать прием полка на промежуточных аэродромах.

Лидировали перелет полка Марина Раскова с Бершанской. Они привели нас на Южный фронт, недалеко от Ворошиловграда. Там только что была создана 4-я Воздушная армия (ВА). Командовал армией генерал-майор К. А. Вершинин. Он принял Раскову и Бершанскую очень приветливо. Живо интересовался качеством индивидуальной подготовки летного состава. Особен-

но его волновали три вопроса: летали ли мы в лучах прожекторов, умеем ли возить во второй кабине самолета по два человека и могут ли летчики производить посадку по сигнальным фонарям без подсвечивания посадочных прожекторов? Только на третий вопрос был дан положительный ответ...

Вершинин сказал, что полк войдет в состав 218-й дивизии, командовал которой полковник Д. Д. Попов. В шутку он сказал, что Попов такой «купец», который «покупает» самолеты всех типов. В дивизию входят полки на бомбардировщиках СБ, Р-5, а теперь и на По-2 — это наш полк.

На следующий день Попов приехал в полк познакомиться с личным составом и самолетами. Все шло хорошо, но командир был невесел, молчалив. Раскова спросила его, вспомнив шутку командующего: «Ну что же, товарищ полковник, покупаете?» Попов помолчал немного и ответил: «Да, покупаю»... Комиссар дивизии потом рассказывал, что Попов, узнав, что на пополнение дивизии прибыл полк на фанерных самолетах По-2, да еще женский, сказал: «В чем мы провинились? Почему нам прислали такое пополнение?» В сентябре 1942 года Попов «купил» еще один полк на самолетах По-2 — 889-й полк под командованием К. Д. Бочарова. Весь дальнейший путь прошли мы рядом. Это были наши «братцы».

Мы чувствовали, что и дивизия, и армия принимали наш необстрелянный, неопытный полк неохотно, боялись слез и женских капризов, удивлялись тому, что в тылу нас не тренировали, как выходить из прожекторов и зенитного обстрела. Летчики из соседних мужских полков смотрели на девушек с откровенной иронией и называли нас «бабий» или «Дунькин» полк (не иначе как по имени командира).

Конечно, многого мы тогда не умели, но такой, как у нас, энтузиазм в работе, такой сплоченный коллектив можно было встретить не во всяком мужском полку. Неудивительно: мы не обязаны были воевать, мы пришли на фронт не по долгу, а по велению души...

Раскова трогательно прощалась с нами, пожелала нам получать ордена и стать гвардейцами (как это казалось нам далеко!). Говорила, что мы должны доказать, что женщины могут воевать не хуже мужчин, и тогда в нашей стране женщин тоже будут брать

в армию. Она была удивительно красива и женственна, и в то же время для нее не было слова «невозможно»... Какая-то особая сила и уверенность исходили от Марины Расковой.

Все мы были понемножку в нее влюблены. Константин Симоннов сказал о ней в 1942 году: «Марина Раскова поразила меня своей спокойной и нежной русской красотой. Я не видел ее раньше и не думал, что она такая молодая и у нее такое прекрасное лицо».

А я до старости лет, уже при организации своей научной работы, часто измеряла свои поступки меркой Марины Расковой по формуле: «Мы все можем!»

...Это были трудные дни отступления частей Южного фронта от Ворошиловграда и Ростова. Поэтому армии некогда было особенно нас учить и постепенно вводить в строй, и в ночь на 9 июня полк начал воевать. Первой вылетела на задание командир полка. Мы сразу включились в активную боевую работу в обстановке непрерывного отступления.

В первую неделю на фронте казалось, что нам дают не настоящие цели: не стреляли зенитки, не ловили прожектора. А то, что с первого же вылета не вернулся экипаж командира эскадрильи Любы Ольховской со штурманом Верой Тарасовой, приняли за случайность, за потерю ориентировки, за сбой в машине. И когда Ирина Дрягина прилетела с дыркой в плоскости, все бегали к самолету, трогали эту дырку и радовались — «наконец-таки во всем по-настоящему!»

...Уже после войны в газету «Правда» пришло письмо от жителей небольшого поселка в Донбассе. Они писали, что в июне 1942 года над их поселком был сбит самолет По-2. Он упал недалеко. Утром они нашли сбитый самолет, в кабинах сидели две женщины. Они были мертвы. В письме описывали их внешность. Тайком их похоронили, но не знали их имен. Через двадцать лет после Победы написали в газету с просьбой найти родных этих девушек: «Сообщите их родным, пусть приедут к нам. Если живы их матери, они будут и нашими матерями, братья будут и нашими братьями...» Письмо редакция переслала к нам в Совет полка. Мы поплакали сначала, было ясно, что речь идет о Любе и Вере. Рачкевич поехала туда, могилу вскрыли, и по всем признакам опознали наших летчиц. Их перехоронили в г. Снежном. Первые боевые потери полка!..

...А тогда, в 1942 году, вместо Ольховской и Тарасовой назначили командиром эскадрильи Дину Никулину, а штурманом Женю Рудневу, нашего «звездочета», как ласково называли ее девочки.

Дина Никулина — яркий человек, можно сказать, «лихой» летчик... Женя Руднева — скромная, мягкая девушка, мечтательница, влюбленная в далекие сверкающие звезды. Еще в 1939 году Женя писала в своем дневнике: «Я очень хорошо знаю, настанет час, я смогу умереть за дело моего народа... Я хочу посвятить свою жизнь науке, и я это сделаю, но, если потребуется, я надолго забуду астрономию и сделаюсь бойцом...»

Командиром другой эскадрильи была Сима Амосова, летчик гражданской авиации, впоследствии замкомандира полка по летной части, штурман — Лора Розанова. Штурманом полка была Соня Бурзаева.

...Первые недели на фронте... Не все было гладко, была горечь и боль первых потерь, и аварии по неопытности, и трудности с воинской дисциплиной. Была неловкость за свою армейскую неподготовленность, которая, как мы ни старались, то тут, то там вылезала наружу. Иногда немецкие танки почти вплотную подходили к нашему аэродрому, надо было срочно перелетать куда-то на восток, где никто не готовил для нас площадок, а самолеты находились в воздухе, и радиосвязи с ними не было. Бершанская дожидалась последнего экипажа, чтобы сообщить ему данные о направлении полета, а перед этим один из наиболее опытных летчиков в темноте находил подходящую площадку и разжигал на ней костер.

Бывали случаи, когда наземному техническому составу приходилось идти пешком на эту новую точку: не хватало машин для перевозки. Не было точных данных о том, где находятся наши, а где немецкие части, и наших летчиков днем посылали на разведку. В воздухе господствовала немецкая авиация, и днем на По-2 летать было очень опасно. Помню, как Дуся Носаль уходила от истребителя по балочкам и оврагам, как подожгли машину Нади Поповой, а ей удалось выбраться и вернуться в полк.

По дорогам брела неорганизованная пехота... где-то впереди немцы выбросят десант из десяти человек, и все, намеченный нами пункт занят...

ИРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА РАКОБОЛЬСКАЯ
НАТАЛЬЯ ФЕДОРОВНА КРАВЦОВА

НАС НАЗЫВАЛИ НОЧНЫМИ ВЕДЬМАМИ

Ответственный редактор Валерия Андоскина
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Людмила Дубовая, Нина Писковитина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.07.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 46,06 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFB-38273-01-R